

**Шульженко В. И.,
Савченко Т. Д.
(Пятигорск)**

Проблемы гуманизма в современной поэзии Северного Кавказа

Аннотация. В статье рассмотрено в евразийской парадигматике многогранное творчество северокавказских поэтов, в поэтических мирах которых гармонично сплетаются черты русского стиха и глубокие ментальные особенности, имеющие азиатское происхождение, что позволяет отразить в современной поэзии Северного Кавказа проблемы гуманизма и создать образ всеобъемлющей любви, братства и справедливости.

Ключевые слова: литературный билингвизм, читатель, лиризм, «космический» реализм.

У большинства читателей во многих странах мира, как, впрочем, нередко и в сообществе иностранных специалистов-гуманитариев, сложилось довольно устойчивое представление о том, что литература России – это, главным образом, литература на русском языке, созданная авторами, являющимися русскими по своему этническому происхождению [1: 27]. Однако важно уточнить, что в современном понимании и значении русская литература последних ста лет, с ее опытом авангардизма, модернизма, сюрреализма, постмодернизма, не есть непосредственно национальный продукт, дифференцируемый в ряду других по национально-эталонному критерию [2: 19]. «Она есть результат многих взаимовлияний, взаимодействий и, что наиболее специфично для современного периода, активного ее сотворения пишущими на русском языке грузинами, армянами, азербайджанцами, татарами, узбеками, казахами, корейцами, абхазами, осетинами, аварцами, лакцами и др. Любой из них, бесспорно, принадлежит как минимум к двум национальным культурам, тогда как их произведения являются русскими по языковым особенностям и укоренены в русской литературно-художественной традиции» [10: 59]. Нередки случаи, когда писатели не владеют в должной мере родным языком, и для них родным, по сути, является русский язык и взрастившая их русская культура, точнее, русская литература, вне которой они себя не мыслят. Видимо, и на этом

основании Зигмунт Бауман считает возможным подчеркнуть, что «Россия исторически решила проблему, которую основной части Европы ещё только предстоит решить: наладить мирное сосуществование разных народов, религий, культур, традиций и языков» [10: 62].

Следует признать, что такой феномен этнокультурного синтеза далеко не всегда совпадает с представлениями народа о самом себе и о своей литературе, но, как невозможно из контекста английской и американской литератур изъять творчество В. Набокова, Д. Конрада, К. Воннегута, В. Найпола, а из французской – писателей «негретюда», так и из русской – произведения Ф. Искандера и Ч. Гусейнова, Б. Окуджавы и Д. Зантари, А. Мамедова и А. Черчесова, Р. Гаджиева и А. Эбаноидзе, К. Ибрагимова и Г. Маркосян-Каспер, И. Оганова и М. Петросян, Г. Садулаева и А. Ганиевой... Сколь ни очевидны в них признаки этнической ментальности, сколь ни существенна ее эстетическая реализация, это, повторим, – язык русский, «высочайший по своему культурному уровню, пусть нередко и своеобразный» [3: 19], в немалой степени способствовавший формированию общепринятого представления о русской литературе на рубеже XX-XXI веков. Собственно, тема (Востока, Кавказа или какая-либо другая) в этом смысле не играет столь важной роли [9: 106], в отличие, скажем, от читательской аудитории, которой эти произведения адресованы, и того обстоятельства, что они целиком вписываются в существующий историко-литературный контекст и сложившуюся, повторим, на протяжении веков художественную традицию [11: 210].

Среди национальных авторов, пишущих на русском языке, особое место занимает балкарский поэт Юруслан Болатов, язык поэзии которого признается сегодня знатоками и специалистами [16: 205], «адекватным, «беспримесным» языком пушкинской традиции [13: 190], уникально адаптированным к современности [14: 121]. В стихах Болатова именно пушкинская чистота звука, лиризм и жизнелюбие. Одновременно его творчество близко к традициям русской философской поэзии, рассматривающей картину мира специфическими способами рефлексии, которые приводят к тому, что в поэтическом слове символически находит себя весь человек, то есть сублимируется то общечеловеческое, универсальное, что характеризует тип эстетически-чувственного восприятия народа [7: 29].

Как часто, полон тишины
О благе думаю страны,
Где я родился, где постиг,
В чём жизни смысл, её тупик;
И в этой чистой тишине
Сонм ангелов помощник мне,
Они – сверкающий венки;
Я в вечности не одинок [18].

Многочисленные почитатели творчества поэта из разных уголков Кавказа – этой окраины Европы – благодарны ему за тонкий психологизм художественного высказывания, его деликатность и тактичность – как интровертную составляющую мира души и одновременно за открытость знанию, общению, действию – как экстравертную, органично дополняющих друг друга в поэтическом мире Юруслана Болатова. Нередко возникает желание назвать стихи Болатова «поэзией космического реализма» [17: 1077], лирический герой которого созидает новые культурные связи как на планете Земля, так и в межзвёздном пространстве. Поэт, наш современник, создал особый, только ему присущий художественный мир, центральные идеи которого – обретающие всеобъемлющую Любовь, братство, справедливость и мир земляне под сенью грандиозного Знамени Мира (Знамени Культуры); духовная эволюция и космическое будущее Человечества.

Среди природы, мне знакомой с детства,
Я продолжаю жить, любить, дышать.
Божественное дали мне наследство.
Здесь каждый миг молитву совершать
Хочу писать средь этого покоя,
И слышать пенье птиц и листьев шум...
Всё на Земле – священное, благое,
Бог – всюду. И в порыве этих дум [18].

Его стихи пронизаны поистине вселенской озабоченностью о кризисе тысячелетней человеческой культуры, отмечены неподдельной тревогой за суетливую повседневность современного человека, забывшего о том, что все мироздание держится только на притяжении-тяготении любви. Отсюда в его творчестве столь очевидная этическая недвусмысленность, противостоящая столь распространенной на его родном Кавказе вражде/ненависти [12: 19], которой Болатов противопоставляет безусловное право поэта нести миру жизнеутверждающие идеи, апеллируя при этом к мистическому опыту Учителей нравственности, что позволяет воспринимать его как символ общечеловеческих ценностей и идеалов, абсолютно понятных всем народам на евразийском материке [8: 431].

Следует отметить создание Болатовым собственного «по-этического космоса», где написание через дефис является философско-лингвистическим синтезом двух начал – этического, с его апелляцией к рациональному разуму, и поэтического, ускользающего от радио благодаря образу и метафоре. У Болатова космос не этичен как некая незыблемая структура, а именно по-этичен, художественно неповторим.

Космическим народам
к космическим полётам –
на выход! В добрый путь!
Пусть трудно приземленье,
но в космосе паренье –
вот будущего суть [18].

Итак, поэзия Ю. Болатова – это поэзия, открывающая и объясняющая важнейшие смыслы и основы существования людей друг с другом, подчеркивающая красоту всечеловеческого взаимопонимания и глубоко осмысленную и вдохновенную веру в способность языка сформировать будущее мировое сообщество на основе принципов гуманизма, согретых теплотой поэтического высказывания [4: 39]: всепроникающая всемирность, чистота лирического стиля, мужественное бесстрашие и граничащая с самоотверженностью верность высшим идеалам и гуманистическим принципам [5: 30].

Поэтический труд Ю. Болатова является весьма значительным вкладом в дело служения всему человечеству [6: 87], и поэтому, на наш взгляд, он достоин самых высших литературных оценок.

Другой, не менее популярный, живущий в Пятигорске, замечательный русский поэт, Анатолий Трилисов, получивший в молодые годы благословение на творчество самого Михаила Шолохова, а еще раньше – в отрочестве в литературном кружке при Ростовском доме пионеров – тогда только входившего в силу Николая Доризо, пользуется признанием и любовью у северокавказского читателя

Читая его стихи, будто омываешься родниковой водой, и дело здесь даже не в несомненном таланте, а в том, что в эпоху распада жизни и поэзии, ядовитой рефлексии, разрушающей поэтическое слово, в эпоху гниения и позорной смерти литературы, вдруг – «словно бы по благодати, сошедшей с небес, встретишься с душой, исполненной цельной, звенящей силы человеческой открытости и благоговейного трепета перед красотой и мудростью природы» [5: 21].

По-настоящему верующий человек всегда ощущает свет, который несёт душа – светлый образ Бога. У Анатолия Трилисова есть такие строки:

Вечер.
Номер на табличке.
Дом твой за углом.
Прошуршала электричка
Ангельским крылом.
В городке патриархальном
Улочки тихи.
Отпусти, мой добрый Ангел,
Все мои грехи [19].

Особо следует сказать о пафосе трилисовской поэзии. Многие сегодня отмечают его исчезновение даже из современных стихов, которые прежде мы определили бы как гражданскую лирику. Кое-кто даже не прочь вообще вычеркнуть его из словаря поэтических терминов, напрочь забыв, что пафос является обязательной составляющей любого настоящего произведения [16: 207]. Искусственное игнорирование пафоса – в духе столь нынче модной ссылки на одиночество человека – непременно отражается на содержании литературного произведения, на самом качестве его художественности и, кроме прочего, вынуждает читателя замыкаться в жестких границах его микрокосма. Мощным контраргументом «антипафосникам» может быть названа любая из книжек Трилисова, не приемлющего – при всей сложности своего внутреннего мира – даже подспудно жалобную интонацию. Он ощущает себя частью общества, частью народа, частью человечества, частью огромного, как неоднократно писал один из авторов данной статьи В.И. Шульженко, евразийского пространства, имеющего собственную культурную парадигму [8; 9; 14]. Отсюда, должно быть, его страсть к таким «детским» жанрам», как «считалочки» и «поэтические азбуки», которые – доподлинно нам известно – уже давно во многих семьях на юге России сызмальства читаются родителями своим детям.

Вместе с тем, как и подобает истинному евразийцу, поэтическое творчество Анатолия Трилисова, питается, прежде всего, национальными образами и народной традицией, которая глубоко близка поэту, которая, как уже было сказано, профессионально была тесно связана с изучением и сохранением этнической традиции. Поэт написал для детей много стихотворений, наполненных этническими символами и образами, народным фольклором. В несомненная связь автора с родной землей, с её архетипической сутью. Не зря Трилисов глубоко обеспокоен судьбой многонациональной России, много пишет о ней ярких и чудесных стихотворений.

Не в этом ли есть проявление того, что в прежние времена мы называли «народностью» поэта, противостоящей расцветшей уже и в провинции пышным цветом некоей «групповой» избранности, похожей нередко на сектантское почитание! «Пафос всегда есть страсть, выжигаемая в душе человека идеею и всегда стремящаяся к идее, – следовательно, страсть чисто духовная, нравственная» [5: 22], – готов, думается, вслед за В.Г. Белинским повторить и пятигорский поэт, прекрасно сознающий, что исчезновение идеи, объединяющей человечество, влечет за собой измельчание поэзии. При этом сам Трилисов – скромнейший в жизни человек, свидетель фашистской оккупации Ростова, рано потерявший отца и мать – явно не претендует на роль властителя дум, очевидно при этом «обладая божественным даром открытия перед своим читателем привычных границ явленного мира» [11: 211]. Очень часто зримо находящийся для многих своих друзей в состоянии творческих раздумий, он одновременно, напоминая о былом могуществе поэта, совершает поистине гигантские усилия вырвать общество из состояния сомнамбулизма, в которое оно все глубже погружается. Отсюда неприятие на уровне едва ли не физиологического отвращения ерничества, дурашливости, глумежа, бытовой чернухи, смакования человеческого горя, столь широко разлитых в современной поэзии.

Много путешествуя по родному краю и по миру, Трилисов почти все свои стихи посвящает «вечным» темам человеческого существования. В унисон им неожиданно зазвучала и тема вечного странничества, которая становится своеобразным проводником

по лирике поэта. Совсем не случайно возникают в его стихах условно-символические образы титанов мировой культуры, людей, творивших Историю.

Особенно интересным в этом смысле кажется приобщение А. Трилисова к есенинской теме, ставшей глубоко значимой для отечественного искусства в непростые времена. Она проистекает от совершенно нескрываемой любви к естественно-природной, мистичной поэзии Сергея Есенина, воспевавшего красоту родной природы и одновременно – «нездешние поля».

Тонкие, глубокие и искренние стихотворения наполнены постоянными поисками истины, которые столь важны были для ярко горящей души Есенина и которые наполнены поисками высшей Правды. Да и вообще чувствительная душа пятигорского поэта мгновенно откликается на события, которые затрагивают радость или болью живущих рядом людей, и потому его поэзия так им жизненно необходима, близка и дорога.

Если говорить об общем восприятии творчества поэта, о философско-лирической концепции произведений, то, на наш взгляд, творчество А. Трилисова идейно и эстетически наиболее близко к той традиции русского стиха, которую развивал Н. Глазков, с её поэтикой экспрессии и совершенно естественной интонации. Но всегда следует держать в памяти и влияние «огромного переводческого опыта пятигорского поэта – сделавшего доступным для миллионов читателей шедевры кавказской поэзии» [16: 210], в том числе и тех, которые легли в концепцию евразийской литературы, которую ныне представляют научному сообществу пятигорские ученые [17: 1182].

Библиографический список

1. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект. Говердовская Е.В., Антюхина А.В., Шульженко В.И., Бурова Г.П., Мулляр Л.А., Савченко Т.Д., Матанцева Л.В., Сохикян Г.С., Павлюк О.М., Щириковская Т.Н., Калашникова Е.В. Волгоград, 2014. 162 с.
2. Витковская Л.В. Концепция образа автора в теории В.В. Виноградова // Вестник Пятигорского государственного университета. 2003. № 4. С. 48-52.
3. Витковская Л.В. Об ассимиляции заимствований в русском языке в условиях глобализации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2015. № 4. С. 17-22.
4. Витковская Л.В. «Самолюбивый стихотворец» Н.П. Николева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму: межвузовский сборник научных трудов. Ленинград, 1983. С. 38-50.
5. Витковская Л.В. С точки зрения поэта («Образ автора» в когнитостиле И.Бродского) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2004. № 1. С. 21-34.
6. Витковская Л.В., Головченко И.Ф. Интердискурсивная парадигма функционирования СМИ в поликультурном регионе // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4 (76). С. 116.
7. Витковская Л.В., Дубовский Ю.А. Проблема ассимиляции заимствований в современных лингвистических теориях // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2013. № 1 (12). С. 28-38.
8. Шульженко В.И. Ф.М. Достоевский как предтеча евразийской литературы // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Междунар.науч.-практ.конф. (Казан. федер. ун-т, 4-6 окт. 2016 г.) /под ред. Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочиной, Е.А. Горобец. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 444 с. - С. 431-423.
9. Шульженко В.И. Историко-культурные парадигмы в региональном контексте: от школы Ю. М. Павлова к дискурсу неоевразийства // Литература – Журналистика – Критика: мир и бой: сб. науч. трудов, посвященный юбилею профессора Ю.М. Павлова. Краснодар, 2017. С. 101-108.

10. Шульженко В.И. Кавказ в русской прозе второй половины XX века (проблематика, типология персонажей, художественная образность): Дис... док. филол. наук: 10.01.01. М., 2001. 384 с.
11. Шульженко В.И. Литература народов Кавказа на русском языке: смена статуса // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории Материалы первой Международной научно-практической конференции. Армавир, 2015, С. 210-213.
12. Шульженко В.И. Русский Кавказ: очерки междисциплинарных исследований. Пятигорск, 2007. 216 с.
13. Шульженко В.И. Русскоязычные писатели и «кавказский текст» русской литературы: проблемы межкультурной интеграции // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (14). С. 189-193.
14. Шульженко В.И. Формирование евразийской парадигмы, или Кавказские литературоведы в поисках идентификации // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2016. № 1 (15).
15. Шульженко В.И., Головченко И.Ф. Современный «террористический» нарратив как палимпсест (художественный и медийный дискурсы) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. №3. С. 156–159.
16. Шульженко В.И., Койчужев Б.Т., Гончарова Я.А. Формирование евразийской парадигмы, или Кавказские литературоведы в поисках идентичности // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2016. № 1 (15). С. 205-212.
17. Шульженко В.И., Сумская М.Ю. Современная литературоведческая русистика: евразийские корреляции «кавказского текста» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С.1077-1083.
18. Болатов Ю. Жемчужины из глубин Вселенной <http://poetbolat.com/novosti/>
19. Трилисов А.И. Горькая росинка: стихи и поэмы. Москва–Пятигорск, 1992. 68 с.
20. <http://lib.kmv.ru/projects/litPyat/writers/trilisov.htm>